

УДК 821.161.1

М.М. Гельфонд

НЕОКОНЧЕННАЯ СТАТЬЯ БРОДСКОГО О БОРАТЫНСКОМ (1965): ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Работа посвящена неопубликованной статье Иосифа Бродского о Боратынском, написанной в Норенской в 1965 году и хранящейся в архиве поэта. Данная статья рассматривается в нескольких контекстах: рецепции Боратынского в поэзии ленинградского андеграунда, формирования биографического мифа Бродского и поэзии Бродского 1960-х годов. В частности, высказывается предположение о том, что предпринятое Бродским сопоставление двух изданий Боратынского сыграло значительную роль в формировании структуры книги стихов «Остановка в пустыне».

Ключевые слова: Бродский, Боратынский, Томашевская-Медведева, «Остановка в пустыне», рецепция, ленинградский андеграунд, поэтика жанра, структура сборника, эдиционная практика.

В 1965 году, находясь в ссылке в деревне Норенская Архангельской области, Иосиф Бродский начал писать статью о Евгении Боратынском¹ – одном из наиболее значимых для него русских поэтов. Эта статья не была завершена и впоследствии не публиковалась – она сохранилась в ленинградском архиве поэта и представляет собой два листа машинописи с небольшой рукописной правкой Владимира Марамзина. Приведем ее текст полностью и постараемся максимально восстановить тот контекст, в котором она создавалась:

¹ В тексте нашей статьи фамилия поэта пишется через О – Боратынский. В приведенной далее статье Бродского и других цитатах сохраняется написание, принятое авторами. О разночтениях в написании фамилии см.: Песков А.М. О правописании фамилии поэта // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М. : Новое литературное обозрение, 1988. С. 472.

«Русской литературе 19 века понадобилось всего сто лет, чтобы стать классической. Сто лет оказались критическим сроком, тем более, что за это время в России произошли перемены социального и, следовательно, нравственного порядка, приведшие к общественной и духовной обстановке и атмосфере, прямо противоположным тем, в которых работали писатели минувшего столетия. За сто лет читатель не только увеличился, но и изменился. И чем больше находит через сто лет себе читателей автор, тем достоверней ценность и оцутимей значение его творчества.

14 июля с.г. исполнилось сто двадцать лет со дня смерти Евгения Абрамовича Баратынского. К столетию этой даты, т.е двадцать лет назад (в 1945 г.) Гослитиздат выпустил в свет том стихотворений, составленный

редактором И.Н. Медведевой. Критические сто лет и замечательная редакция подарили современному читателю великолепного поэта классика. Собственно говоря, вероятно не следует разделять роль времени и роль редактора, тем более что позволительно сказать, что последний является как бы следствием первого. До 1945 г. неоднократно предпринимались издания Баратынского, но книги производили довольно бессвязное, рыхлое впечатление, что, при всех необычайных достоинствах автора, все же несколько отдаляло от него читателя. Одним росчерком пера, т.е. разбив том на шесть разделов (элегии, послания, эпиграммы и т.д.), редактор книги 1945 года представил нам поразительный в своей стройной ясности, законченности, целостности, устремленности, поистине классический образ поэта. Это воистину стройное здание, прекрасных пропорций, где все элементы подчинены внутреннему единству – единой мысли, которая опирается на них, как свод на стены. И возносится вверх – как свод.

Баратынский умер 44 лет, и его поэтическое наследие уместается в одном томе. Тем не менее, все последующие литературные группировки, за исключением футуристов, – символисты, акмеисты, сменовеховцы и др., даже поэты пролеткульта поднимали его на щит и делали его своим знаменем. Но в конечном счете это не способствовало успеху его у массового читателя. Это обстоятельство интересно, пожалуй, только тем, что абсолютно различные по своим идейным и эстетическим устремлениям поэты в отношении Баратынского проявляли единодушие.

Именуемый поэтом пушкинской поры, Баратынский принадлежит к ней только географически – по времени, по биографии. На самом деле в русской поэзии не было, пожалуй, явления более индивидуального, более ни с чем не совместимого...» [1].

Прежде всего, необходимо отметить ту роль, которую сыграла личность и поэзия Боратынского в среде ленинградской неподцензурной поэзии андеграунда. По словам одного из ее лидеров, Виктора Кривулина, «Баратынский – это ключевая фигура для ленинградской поэзии. На поэтов 60-ых, 70-ых годов он имел влияние гораздо более сильное, нежели, скажем, Пушкин, Хлебников или Мандельштам» [7, с. 349]. Отметим, что ленинградская поэзия названных десятилетий представляет собой явление чрезвычайно неоднородное, соединившее в себе подцензурную словесность и, по словам В.Б. Кривулина, «дух культуры подпольной», подчеркнутое следование классической традиции, принятое в околоахматовском кругу, и неофутуризм «филологической школы»². Тем не менее Боратынский стал своего рода «общим знаменателем» поэзии этого периода. Именно в этом качестве – как примета времени и среды – том его стихов упоминается в стихотворении Евгения Рейна «Дельта» (1976): «Вот полочка: стишки и детективы, / Два номера “Руна” и “Аполлона”, / “Плейбой”, и “Новый мир”, и Баратынский, / Тетради с выписками, все полупустые....» [15, с. 260].

² Куллэ В. Спасибо // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография / сост. В. Куллэ, В. Уфлянд. М., 2006. С. 5 – 10.

Различие творческих установок ленинградских поэтов 1960 – 1980-х годов во многом определило многообразие форм рецепции Боратынского: это и эпиграфы из его стихов, и включение цитат как в контекст серьезных философских медитаций, так и в языковую игру, и «реконструкция» сюжетов Боратынского в их приложении к парадоксальным реалиям XX века, и сотворение, а отчасти и развенчание биографических мифов, так или иначе связанных с ним. Приведем лишь некоторые примеры: эпиграф «Но я живу и на земле мое / Кому-нибудь любезно бытие» предваряет напечатанную в «Антологии “40”» (1977) подборку стихов минималиста Леонида Виноградова, около десятка стихотворений Александра Кушнера, Виктора Кривулина и Льва Лосева представляют собой развернутые вариации на заданные Боратынским темы³. Все это – тот контекст, в котором формируется автобиографический миф Иосифа Бродского, долгое время непосредственно соотносившего себя с Боратынским.

По словам Д.М. Магомедовой, биографическая легенда (или автобиографический миф) – это «исходная сюжетная модель, получившая в сознании поэта онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и постоянно соотно-

симая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве» [13, с. 9]. Биографическая легенда Бродского, по крайней мере, на этапе ее формирования была непосредственно связана с тем, что можно назвать «моделью Боратынского». В частности, именно с воздействием поэта XIX века Иосиф Бродский связывал момент своей «поэтической инициации». В устных новеллах об этом событии он неизменно акцентировал эпизод, относящийся к июню 1961 года, когда в Якутске, в ожидании отправки геологической партии, Бродский купил книгу Е.А. Боратынского из серии «Библиотека поэта» (в разговоре с Е.Б. Рейном этот эпизод, видимо, ошибочно датирован 1959-м годом). Это событие, которое могло бы оказаться заурядным в иных обстоятельствах, сыграло огромную роль в судьбе Бродского, под влиянием книги стихов предшественника резко переломившего свою жизнь. В разговоре с Е.Б. Рейном Бродский рассказывает об этом так: «...читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься. По крайней мере, я очень завелся, так что Евгений Абрамыч как бы во всем виноват» [16, с. 34]⁴.

³ Подробнее о рецепции Боратынского в поэзии ленинградского андеграунда см.: Гельфонд М. М. «Я читал Боратынского...»: Виктор Кривулин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. Ч. 2. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2013. С. 51 – 55 ; Её же. Боратынский в петербургской неофициальной поэзии XX века // Иосиф Бродский: проблемы поэтики : сб. науч. тр. и материалов / ред.: А. Г. Степанов, И. В. Фоменко, С. Ю. Артёмова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 353 – 366.

⁴ Е.Б. Рейн брал у Бродского интервью для несостоявшегося документального фильма. Речь идет об издании: Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1957 (серия «Библиотека поэта»). По всей вероятности, относю это событие к 1959 году, Бродский ошибся в дате: в экспедиции в Якутске он был в 1961 году (в 1959 году он был в экспедиции в Восточной Сибири), 19-м июня 1961 года датировано стихотворение «Памяти Е.А. Боратынского». В. Полухина также датирует знакомство Бродского со стихами Боратынского июнем 1961 года (см.: Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб., 2008. С. 49).

Значение Боратынского в сознании Бродского этим не ограничивалось. Характеризуя его мировоззрение начала 1960-х годов, Я.А. Гордин подчеркивает, насколько важное место в нем «занял зрелый Боратынский с его недекларируемой внутренней независимостью, подчеркнутой отстраненностью от житейских бурь и стоическим стремлением осознать ужас земного существования» [6, с. 146]⁵. Жизнь Боратынского становится для Бродского своеобразным эталоном жизни поэта вообще: «Я помню, как Иосиф говорил, что именно Боратынский и поставил перед ним вопрос – поэт он или не поэт. И если поэт, то должен жить как поэт» [6, с. 146].

Потребность «жить как поэт» заставила Бродского неожиданно уехать из геологической экспедиции в нарушение общепринятой этики. Несмотря на то, что причины этого отъезда, позже поставленного ему в вину, были значительно сложнее [14, с. 48 – 49], сам Бродский объяснял этот поступок именно так. По его словам, «первые свои по-настоящему хорошие стихи» [14, с. 49] он написал именно после возвращения из Якутии. И действительно, второй половиной 1961 года датируются «Петербургский роман», «Июльское интермеццо», поэма «Шествие» – произведения, с одной стороны, определившие поэтический голос молодого Бродского, с другой – свидетельствующие о глубоком прочтении Боратынского. В частности, как отмечает В.А. Куллэ, «заявленное в “Июльском интермеццо” отношение к

смерти восходит к столь любимому Бродским Боратынскому» [8]. Очевидно, что потрясение, произведенное на Бродского лирикой предшественника, было очень значительным, причем оно было обусловлено как особенностями его поэтики, так и влиянием его личности.

В написанном «по горячим следам» первого прочтения стихотворения «Памяти Е.А. Баратынского» (19 июня 1961 года) Бродский стремится осмыслить логику судьбы своего предшественника. Текст его строится на соединении советских историко-литературных клише (возможно, еще не вполне осознаваемых в этом качестве самим Бродским) и едва намеченного им круга метафизических тем и образов. Первые, вероятно, восходят к вступительной статье издания «Библиотеки поэта» 1957 года, написанной Еленой Николаевной Купреяновой. Боратынский, не имевший отношения к восстанию 14 декабря⁶, предстает в стихотворении Бродского едва ли не декабристом: «И жизни после декабря / Так одинаково разбиты» [3, т. 1, с. 60 – 61]. Именно такая – в сущности, единственно возможная в советском литературоведении – трактовка судьбы поэта предложена Е.Н. Купреяновой: «...он воспринял поражение декабристов и наступившую вслед за тем реакцию как полное крушение всех лучших стремлений и надежд своей юности» [2, с. 10]. В то же время ряд образов и мотивов этого стихотворения

⁵ Я.А. Гордин датирует это высказывание осенью 1963 года.

⁶ Единственный отклик Боратынского на восстание и последующие события – стихотворение «Стансы» 1827 года: «Я братьев знал; но сны младые / Соединили нас на миг: / Далече бедствуют иные, / И в мире нет уже других».

Бродского непосредственно связан с лирикой Боратынского: так, образ души, видевшей «одни великие утраты», очевидно, навеян стихотворением Е.А. Боратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явления...». Судьба «поэтов пушкинской поры» у Бродского проецируется на судьбу его дружеского круга: «Пока старательны пиры, / романы русские стандартны».

Конечно, и в начале 1960-х годов, и позже, в пору ссылки в Норенскую и возвращения из нее, речь идет не столько о сознательном «жизнестроительстве» Бродского, сколько о реакции на обстоятельства, постоянно сверяемой с поэзией Боратынского. Судьба и жизненная позиция Боратынского становятся для Бродского своего рода точкой отсчета. Проводя аналогию между пушкинской плеядой и четверкой тех, кто позже будет назван «ахматовскими сиротами», Бродский неизменно отводит себе место Боратынского. Так, в разговорах с С.М. Волковым Бродский вспоминал: «...в свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую плеяду... Каждый из нас повторял какую-то роль... Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Боратынского. Эту параллель не надо особенно затягивать, как и вообще любую параллель. Но удобства ради ей можно время от времени пользоваться» [5, с. 301].

«Атрибуты литературной репутации» [13, с. 8] Бродского также в значительной степени связаны с Боратынским. Так, именно с рассказа о пометке Бродского в томе Боратынского (речь идет о том же издании «Библиотеки поэта» 1957 года) начинается свои

воспоминания А.С. Кушнер [9, с. 312]. Задолго до того, как Бродский в своей Нобелевской лекции привел строчку Боратынского о «лица необщем выраженье», А.С. Кушнер процитировал ее по отношению к самому Бродскому: «Приятель мой строг, / Необщей печалью отмечен, / И молод, и что ему Блок?» [9, с. 60], а в написанном на отъезд Бродского стихотворении «Смотри же нашими глазами...» является *пироскаф*, отсылающий к предсмертному стихотворению Боратынского: «Взойдя по лестничке с опаской, / На современный пироскаф, / Дуреху с кафедры славянской, / Одной рукой полуобняв, / Для нас, тебя на горизонте / Распознающих по огням, / Проверь строку из Пиндемонта, / Легко ль скитаться здесь и там?» [10, с. 229]. С «Пироскафом» позже будет связано и соединение Бродского и Боратынского в автобиографическом стихотворении Л. Лосева «Один день Льва Владимировича»: «У моря над тарелкой макарон / Дней скоротать остаток по-латински, / Слезою увлажняя окоем, как Бродский, / Как, скорее Баратынский, / Когда последний покидал Марсель...» [11, с. 144], причем ирония здесь распространяется не только на себя, но и отчасти – на Бродского, последовательно играющего роль Боратынского.

Особенно важным для Бродского становится опыт Боратынского во время судебного процесса и последовавшей за ним ссылки в Норенскую, поскольку ситуация «северного изгнания» вновь сближает двух поэтов. В письме к Ирине Николаевне Томашевской-Медведевой, автору вступительной статьи и комментариев к двухтомному

изданию Боратынского в «Библиотеке поэта», Бродский пишет: «Все время – в “Крестах”, на пересылках, в Столыпине – все время я читал (позволили брать книгу) Вашу статью в томике Боратынского» [4]⁷. Помимо самой ситуации, возвращающей к судьбам Н.А. Заболоцкого и В.Т. Шаламова⁸, письмо показывает, что в это время Бродский воспринимает Боратынского уже не как одного из «поэтов пушкинской поры», а как «классика» (позже, в Нобелевской лекции Бродский назовет Боратынского «великим») и заботится о том, чтобы именно таким образом он вошел в читательское сознание: «Она (статья), по-моему, действительно замечательна, ... а своим разделением (эпигр., элегии и проч.) Вы превратили его <в> классика (нужен чисто формальный прием), за какого его никак не хотят признавать. По-моему, теперь (1946 – 1964) все стало на свои места, и при переиздании следует настаивать на таком его виде. Вообще-то, наиболее трогательное впечатление <его> стихи производят попеременно, но если будет академич. издание, нужно, чтобы он принял именно такой вид, какой придали ему Вы. <Знакомые> (в письмах) поговаривают, что, м.б., пришлют мне машинку; тогда (во что бы то мне ни стало) напишу о нем статью и пошлю ее Вам, если хотите. (Если напишу). Столько неубитых медведей! – машинка, напишу ли, захотите ли. Медведей! Простите, Ирина Николаевна!» [4].

⁷ Речь идет о следующем издании: Боратынский Е.А. Стихотворения. Л. : ОГИЗ, 1945.

⁸ Подробнее об этом: Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...»: поэты XX века – читатели Боратынского. М. : Биосфера, 2012.

Незавершенная статья о Боратынском 1965 года представляет собой первый, насколько нам известно, литературоведческий опыт Бродского. Очевидно, она была предназначена для публикации: об этом свидетельствуют перифразы идеологического характера. При этом в целом статья представляет собой не столько исследование поэтики Боратынского, сколько отзыв на подготовленное Ириной Николаевной Томашевской-Медведевой издание, вышедшее в ОГИЗе в 1945 году (о нем же речь шла и в адресованном ей письме). Расположение текстов, представленное в этом издании, действительно идет вразрез с общепринятыми эдиционными принципами: если традиционно (в том числе в двухтомнике «Библиотеки поэта» 1936 года и в однотомнике «Библиотеки поэта» 1957 года) тексты располагались в хронологическом порядке, то в огизовском издании доминирует жанровый принцип, представлявший собой очень важным для Бродского. Его внимание к расположению текстов в двух изданиях Боратынского (ОГИЗ-1945 и БП-1957) вряд ли стоит считать случайным. Как отмечает биограф поэта, период «северной ссылки» был связан для Бродского с кардинальной переменой мировоззрения: он «уехал в ссылку одним поэтом, а вернулся менее чем через два года другим. Перемена произошла не мгновенно, но очень быстро» [12, с. 109]; «радикальные перемены произошли в структуре самой поэтической личности, и этому новому «я» понадобились новые формы самовыражения» [12, с. 113]. Об этом пишет и сам Бродский И.Н. Томашевской-Медведевой: «Все как-то мелькает по сторонам, но дело

не в нем. Внутри какая-то неслыханная бесконечность и отрешенность, и я разгоняюсь все сильнее и сильнее» [4]. Настало время осознать себя автором книги стихов, и, вернувшись из ссылки, Бродский был обрадован, но вместе с тем и разочарован изданной в США книгой «Стихотворения и поэмы». По словам переводчика Джорджа Клайна, «он испытал разочарование, увидев, как много в книге juvenilia 1957 – 1961 годов. У него также вызвали раздражение довольно многочисленные опечатки и некоторые ошибки, хотя, я думаю, он, несомненно, понимал, что невозможно было бы выпустить безупречную в этом отношении книгу, работая с самиздатскими материалами без какого бы то ни было контакта с автором» [12, с. 134].

При подготовке следующей, первой *настоящей* книги, которой стала «Остановка в пустыне», Иосиф Бродский не просто отобрал тексты, но и продумал их расположение внутри разделов. Несмотря на то, что жанровый принцип не стал в нем определяющим, он сыграл, на наш взгляд, важную роль. Ключевые тексты

каждого из разделов уже в своем заглавии содержат отчетливую отсылку к жанровой традиции: «Рождественский романс», «Большая элегия Джону Донну», «Из старых английских песен», «Сонет», «Песни счастливой зимы», «Развивая Крылова», «Элегия», «Почти элегия», «Новые стансы к Августе» и так далее. Таким образом, введение в научный оборот неопубликованной статьи Бродского о Боратынском позволяет предположить, что сюжет автобиографического мифа получил некое продолжение в первом опыте составления авторской книги. По отношению к «Остановке в пустыне» Бродский соединил роли автора и редактора – и, вероятно, опыт сопоставления разных изданий Боратынского, предпринятый им в Норенской, сыграл здесь не последнюю роль. Раннее стихотворение «Памяти Е.А. Баратынского» оставалось для автора в прошлом, но идея построения книги, как «свода» [1], где «все элементы подчинены внутреннему единству» [1], вероятно, восходит к сопоставлению двух изданий любимого поэта Бродского.

Библиографические ссылки

1. Архив Иосифа Бродского. Ф. 1333. Ед. хр. 420.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Изд. 2-е. Л., 1957. (Серия «Библиотека поэта»).
3. Бродский И. Сочинения. В 4 т. СПб., 1992.
4. Бродский И. Письмо И.Н. Томашевской 19.01.1964 // Постскрипум. 1996. № 2. Перепечатка «Im_Werden_Verlag», 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imwerden.de/pdf/brodsky_pismo_tomaschewskoi.pdf, свободный (дата обращения: 15.11.2014).

5. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2003.
6. Гордин Я. А. Переключка во мраке. Иосиф Бродский и его собеседники. СПб., 2000.
7. Кривулин В. Б. Олег Охапкин. Поэт между Афинами и Иерусалимом // Русский мир. № 2. С. 349. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkymir.org/download/n2/20.pdf>, свободный (дата обращения: 15.11.2014).
8. Куллэ В. А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957 – 1972) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liter.net/=Kulle/evolution.htm>, свободный.
9. Кушнер А. С. Здесь, на земле // По эту сторону таинственной черты : Стихотворения. Статьи о поэзии. СПб., 2011.
10. Кушнер А. С. «Смотри же нашими глазами...» // То время – эти голоса: Ленинград. Поэты «оттепели». Л., 1990.
11. Лосев Л. В. Один день Льва Владимировича // Чудесный десант. Tenefly, 1985.
12. Лосев Л. Иосиф Бродский. М., 2006.
13. Магомедова Д. М. Александр Блок: биография и поэтика в свете автобиографического мифа. Siedlce, 2013.
14. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб., 2008.
15. Рейн Е. Б. Дельта // Избранное. М. ; Париж ; Нью-Йорк, 1993. С. 260.
16. Рейн Е. Б. Человек в пейзаже // Арион. 1996. № 3. С. 34.

M.M. Gelfond

**UNFINISHED ARTICLE BY BRODSKY ABOUT BORATYNSKY (1965):
TEXT AND CONTEXT**

The investigation is devoted to the unpublished article written by J. Brodsky in Norenskaya (1965) and stored in the poet's archive. This article is considered in some contexts, such as: the reception of Boratinsky in the poetry of Leningrad's underground, the creation of Brodsky's autobiographical legend and Brodsky's poetry of 1960s. In particular, it is suggested that the comparison of two Boratinsky's publications was influential in the forming of structure of the Brodsky's first book "Stop in the desert".

Keywords: Brodsky, Boratinsky, Tomashevskaya-Medvedeva, "Stop in the desert", reception, Leningrad's underground, genre, structure of publication, publishing practice.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ТОЛСТОГО

Статья посвящена рассмотрению концепции Первой мировой войны в творчестве А.Н. Толстого. Анализируются его публицистические и художественные произведения, написанные как в 1914 – 1916-е годы, так и после Октябрьской революции 1917 года. Подчеркнута типологическая связь военной прозы А.Н. Толстого с творчеством Л.Н. Толстого. Показана эволюция взглядов писателя в изображении Первой мировой войны в романе «Сестры».

Ключевые слова: Первая мировая война, военная проза, реализм, русская литература, А.Н. Толстой.

В августе 1914 года, после объявления мобилизации в связи с началом Первой мировой войны, А.Н. Толстой отправляется на фронт корреспондентом «Русских ведомостей». В письме своему отчиму Бострому он пишет: «Я работаю в “Русских ведомостях”, никогда не думал, что стану журналистом, буду писать *патриотические* статьи. Так меняются времена. А в самом деле я стал патриотом. Знаешь, бывает так, что юноша хулит себя, презирает, считает, что он глуп и прыщав, и вдруг наступает час, когда он постигает свои духовные силы (час, которому предшествует катастрофа), и сомнению больше нет места. Так и мы все теперь: вдруг выросли, нужно делать дело – самокритике нет места – мы великий народ – будем же им» [3, с. 212].

Сознание принадлежности к великому народу, пробуждение чувства патриотизма изменило характер толстовского творчества – его тематику и тональность. Он обращается к публицистике, пишет военные рассказы. Позднее, в советское время, в своей автобиографии А.Н. Толстой скажет о

неполноте написанного о Первой мировой войне: «Началась война. Как военный корреспондент (“Русские ведомости”), я был на фронтах, был в Англии и Франции (1916 год). Книгу очерков о войне я давно уже не переиздаю: царская цензура не позволила мне во всю силу сказать то, что я увидел и почувствовал. Лишь несколько рассказов того времени вошло в собрание моих сочинений. Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя застегнутый наглухо черный сюртук символистов. Я увидел русский народ» [5, с. 57].

Публицистика А.Н. Толстого, посвященная войне, – «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе» – долгое время трактовалась как свидетельство непонимания Толстым характера войны, его политической и идеологической незрелости. Лишь сравнительно недавно стали появляться работы, в которых содержится непредвзятая оценка этой части толстовского наследия [9]. Что касается военных рассказов («Обыкновенный человек», «Буря», «Под водой», «Прекрасная дама» и др.), то, по мнению А. Варламова, они